

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
Институт славяноведения и балканистики

На правах рукописи

Невская Лидия Георгиевна
БАЛТИЙСКАЯ ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ
В СОПОСТАВЛЕНИИ СО СЛАВЯНСКОЙ
(к семантической типологии)

Диссертация написана на русском языке
10.02.03 - славянские языки

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва

1973

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
Институт славяноведения и Балканистики

На правах рукописи

Невская Лидия Георгиевна
БАЛТИЙСКАЯ ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ
В СОПОСТАВЛЕНИИ СО СЛАВЯНСКОЙ
(к семантической типологии)

Диссертация написана на русском языке
10.02.03 - славянские языки

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва

1973

Работа выполнена в Институте славяноведения
и Балканистики АН СССР

Научный руководитель -
кандидат филологических наук В.Н.Топоров

Официальные оппоненты:
доктор филологических наук Н.И.Толстой
кандидат филологических наук А.Йонайтис

Диссертация направлена на внешний отзыв
на кафедру литовского языка филологического факультета
Вильнюсского университета им.В.Капсукаса.

Автореферат разослан 1973 г.
Защита диссертации состоится 1973 г.
в час. на заседании Ученого совета Института
славяноведения и Балканистики АН СССР, Москва,
Трубниковский пер., 30-а.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института.

Ученый секретарь Совета Ю.В.Богданов

© Институт славяноведения и Балканистики АН СССР

В последние годы внимание ученых привлекает славянская географическая терминология, важный фрагмент лексической системы, наблюдения над которым и полученные выводы могут быть использованы при решении не только общелингвистических задач, но и таких смежных проблем, как, в частности, этнолингвистические. Систематическое изучение географической терминологии, начавшееся не более пятнадцати-двадцати лет назад, проводится в нескольких направлениях: выявление инвентаря лексем, обозначающих различные географические реалии (возвышенный рельеф, низинный рельеф, водные объекты, болото и т.д.) непосредственно при полевой диалектологической работе и извлечением из словарей, определение их локализации с последующим построением изоглосс; наблюдения над семантическими процессами, происходящими в этой группе лексики; установление семантических моделей наименования географических объектов по признаку, мотивирующему внутреннюю форму соответствующих лексем; пересмотр некоторых этимологий и установление новых, часто с учетом в качестве дополнительного аргумента семантической закономерности, установленной для географической терминологии, и некоторые другие.

Трудом ученых-славистов описана географическая терминология обширных ареалов: сербскохорватская (И.Щитц), польская (П.Нитше), чешская и словацкая (Р.Н.Малько), украинская (Т.А.Марусенко), белорусская (И.Я.Яшкин), псковская (В.М.Мокиенко), черниговско-сумская (Е.А.Черепанова). Обобщающим трудом, вобравшим в себя чрезвычайно обширный материал, начиная с середины XIX в., стала работа Н.И.Толстого "Славянская географическая терминология (Семасиологические этюды)". М., 1969.

Балтийская географическая терминология не рассматривалась ни во всем своем объеме, ни по составляющим ее группам. Следует отметить лишь неизменное и пристальное внимание

Э.Френкеля в связи с этимологическими задачами к семантическим процессам внутри географической терминологии и закономерностям номинации географических объектов; этимологические разыскания В.Шульце, относящиеся к началу века и суммирующие балтийский материал по цветообозначению болот; монографическое рассмотрение лтш. *laumenis* В.Урбутисом.

Анализ балтийской географической терминологии построен на материале предварительно составленного словаря, содержащего около 1200 лексем (фонетические и словообразовательные варианты включались в словарь, если содержали также отличия в значении). Источниками словаря послужили Академический словарь литовского языка (I—VIII т.т.), картотека этого словаря, картотека литовского диалектологического атласа, хранящиеся в Институте литовского языка и литературы АН ЛитССР; словарь латышского языка К.Милленбаха и Я.Эндзелина; диалектологические работы, содержащие лексический материал.

В результате предварительного анализа инвентаря литовских и латышских географических апеллятивов была составлена анкета, каждый вопрос которой, по существу, содержит в себе указание на минимальный смысловоразличительный элемент, по которому может осуществляться противопоставление значений лексем хотя бы в одном говоре описываемого диалектного континуума. Ответы на анкету, дающие приближающийся к исчерпывающему результат, послужили основой описания и сравнения географической терминологии шести литовских и латышских говоров: Шакина Шауляйского р-на ЛитССР, Карсакишкис Паневежского р-на ЛитССР, Гервяты Гродненской обл. БССР, Эргеме Валкского р-на ЛатвССР, Шкилоени Балвского р-на ЛатвССР, Пилда Лудзенского р-на ЛатвССР. Однако отсутствие исчерпывающих данных по всем балтийским диалектам заставляет отказаться от весьма интересной и полезной работы по объединению словарного материала в изолексы и от выводов лингвогеографического характера. Попытки подобной организации материала остались за пределами данной работы.

Основное внимание в диссертации будет сосредоточено на семантике. Семантический анализ балтийской географической

терминологии ведется в следующих направлениях. На первом этапе предпринимается попытка системно организовать сравнительно большой материал словаря в несколько относительно замкнутых семантических микрополей.

Декларируемая в течение продолжительного времени возможность установления парадигматических отношений в лексике в последние годы получила несколько конкретных реализаций (работы Л.Т.Выгонной, Г.П.Клепиковой, Б.Рейдзана, Г.Ф.Венторт, а также более многочисленные отечественные и зарубежные исследования терминологии родства и цветообозначений с применением компонентного анализа). Подобно универсальному способу представления парадигматических отношений в фонологии через дифференциальные признаки можно описывать соответствующие отношения на семантическом уровне, когда исследуется значение группы слов, не являющихся предикатами в логическом смысле термина. Очевидно, что в дифференциальном признаке нет ничего специфически фонологического, а метод оппозиции как способ его выделения применим к решению любых лингвистических задач.

Применительно к описываемой лексико-семантической группе достаточно понимание семантического дифференциального признака (сема) как минимального элемента, различающего значения двух лексем хотя бы в одном говоре описываемого языкового пространства. Используемый в работе термин о с е м а понимается как суперпризнак, родовой для нескольких сем. Определенное семантическое пространство, иерархически организованное соответственно отношению семема : сема, называется семантическим м и к р о п о л е м .

Процедура выделения семантических дифференциальных признаков сводится к попарному сравнению значений всех лексем словаря. При таком сопоставлении оказывается, что, чаще всего, оба члена оппозиции характеризуются положительным признаком, т.е. что лексические оппозиции преимущественно эквивалентны. Привативные оппозиции, при которых один элемент характеризуется наличием, а другой отсутствием признака, в сфере лексических оппозиций в чистом виде встречается редко.

Выделенный перебором лексем словаря набор дифференциальных признаков является открытым набором семантических элементов, служащих для описания значений этих лексем (а также метаязыком описания). Этот набор не может быть замкнутым, так как вполне возможно появление в каком-либо говоре новой оппозиции в результате заимствования или по иным причинам, что поведет к увеличению инвентаря семантических дифференциальных признаков и изменению структуры микрополя. При условии относительной полноты словаря обнаруженный таким образом признак, по-видимому, не будет принадлежать к ядерному инвентарю признаков, определяющих значение описываемой лексико-семантической группы, и расположится на периферии.

Для удобства описания целесообразно терминологию рельефа представить - по характеру описываемой реалии - в виде трех семантических полей: "возвышенный рельеф", "низинный рельеф", "болото" [некоторые фрагменты "географического" семантического пространства (такие как родник, водопад, залив и некоторые другие) обладают нерасчлененной семантической структурой, и манифестирующие их лексемы являются междиалектными синонимами, не организующимися в оппозицию]. Совмещением языкового и логического подходов можно достигнуть объединения этих полей в одно, вводя такие признаки как 'положение выше/ниже уровня земли' (это создаст оппозицию "возвышенный рельеф" - "низинный рельеф") и дополнительный признак ко второму члену этой оппозиции 'топкий, со стоячей водой', что позволит представить микрополе "болото" как фрагмент семантического поля "низинный рельеф".

На следующем этапе работы на полученной наддиалектной модели семантического поля распределяется лексический материал описываемых шести говоров и определяется конфигурация микрополя каждого из этих говоров. Соответственно расположению материала на наддиалектной модели могут быть выделены типы и подтипы микрополя, т.е. конфигурация микрополя признается типологическим признаком. Типологическое сравнение может быть произведено и по другому (лексемному) основанию,

то есть следует указать, какие именно лексемы манифестируют семантические дифференциальные признаки поля. Отсутствие исчерпывающего диалектного материала не позволяет произвести выделение возможных типов и определяет пробный характер настоящей работы.

Если в конкретном говоре – в идеальном случае – лексема однозначна и ее значение определяется ее местом в семантическом поле, то лексема, помещенная в словарь, т.е. вобравшая в себя все распределенные в диалектном континууме значения, предстает как полисемантическая со сложными отношениями между отдельными значениями, как принадлежащими одному семантическому полю, так и выходящими в другие семантические сферы.

Не останавливаясь здесь на теоретическом аспекте полисемии, будем исходить из понимания значения слова как пересечения нескольких семантических пространств. Регулярный характер таких пересечений (наблюдаемых не в отдельных лексемах, а охватывающих целые группы их), проявляющийся в повторяемости последовательностей семантических звеньев, позволяет сделать некоторые заключения о закономерностях семантических процессов как внутри географической терминологии, так и объединяющих ее с иными семантическими полями. При этом, если взаимодействие в значении одного слова семем, принадлежащих к одному семантическому полю, чаще всего, можно объяснить как отражение экстралингвистических обстоятельств (таковы переходы 'болото' ↔ 'низинный рельеф', 'возвышенность' ↔ 'дуг, поле' и т.п.), то характер отношений второго рода заставляет в поисках причины их регулярности обратиться к текстам более высокого уровня и зачастую искать объяснение в древних мировоззренческих представлениях, как они отражены в языковых и надъязыковых текстах. Такова вторая задача семантического описания балтийской географической терминологии. При этом балтийские семантические процессы сопоставляются со славянскими.

Желание найти лингвистическое/этимологическое объяснение по крайней мере части семантических переходов (термин *п е р е х о д* не имеет здесь оттенка диахронического изменения значения, а означает лишь одно из взаимодействующих семантических звеньев) вынуждает обратиться к установлению мотивационных моделей наименования географических терминов и видеть причину ряда семантических явлений в сходном осмыслении внутренней формы терминов – названий различных географических реалий. При этом задача состоит не в том, чтобы указать направление словообразовательной и семантической деривации, а понимается лишь как установление некоторой корреляции идей и выяснение представлений, лежащих в основе внутренней формы слов данной группы, насколько это возможно на основании имеющейся этимологической литературы. Однако сопоставление установленных балтийских моделей с соответствующими славянскими (и сравнение их с обобщающими материалами работы C.D.Buck. *A dictionary of selected synonyms in the principal indo-european languages*) может придать этой работе самодовлеющий смысл.

х х х

Семантическое поле «болото» в балтийских языках имеет следующую конфигурацию (см. Таблицу I). Избранная методика позволяет описать значение 190 тельмографических терминов с помощью 20 семантических признаков.

Способы мотивации внутренней формы названий болот.

Балтийская тельмографическая терминология относительно нова и большинство терминов сохраняет незатемненной внутреннюю форму или этимологизируется на балтийском же материале. Это не исключает, впрочем, известных трудностей при отнесении конкретной лексики к определенной семантической модели. В этой лексической группе наблюдается регулярная соотношен-

Таблица I.

I	II		III						IUA			IUB	UI		
	1	2	1	2	3	4	5	6	1	2	3	4	1	2	3
1	2	1	1	2	3	4	5	6	1	2	3	4	1	2	3

Семантические дифференциальные признаки (семемы и семы):

I - "размер": I,1 - 'большой', I,2 - 'малый'.

II - "степень заболоченности": II,1 - 'сильная', II,2 - 'слабая'.

III - "местоположение": III,1 - 'лес', III,2 - 'луг/поле', III,3 - 'берег реки', III,4 - 'родник', III,5 - 'гора', III,6 - 'берег моря'.

IUA - "наличие растительности": IUA,1 - 'лес/кустарник', IUA,2 - 'тростник', IUA,3 - 'трава', IUA,4 - 'мох'.

IUB - "отсутствие растительности".

У - "физические свойства болота": У,1 - 'вязкое, топкое', У,2 - 'зыбкое'.

UI - "характер болотной почвы": UI,1 - 'торфяная', UI,2 - 'илистая', UI,3 - 'ржавая'.

ность (I) номинации тельмографического термина с названием цвета. При этом остается открытым вопрос о направлении семантической деривации: от цветообозначения к названию болота или обратное. Помимо давно установленной связи понятий "белый" и "болото" (лит. *balà*, лтш. *bala*, слав. *bolto – лит. *balas*, *báltas* 'белый', лтш. *báls* 'бледный, блеклый'), укажем другие разновидности этой модели. Многие балтийские болотные термины сопоставляются с названиями красно-коричневой части спектра: (*raĩdas* 'красный', *rūdis* 'ржавчина'): *rūdijà*, *rūdymė*, *rūdymas*, *rūdyvas*, *rūdyrà*, *rūdyne* – все со значением 'болото со ржавой железистой водой' и далее со вторичными производными значениями.

Лтш. *dumbrā* 'болото; место обильное ключами, родниками', лтш. *dumbėlis* 'болотистое место, лужа, грязная яма и т.д.' и их многочисленные производные, лит. *dūmblas* также с многочисленными дериватами в конечном счете связываются с лтш. *dums*, *dumjā* 'темнокоричневый'.

Лтш. *dūksne*, *dūksna*, *dūkstis*, *duksnājs*, все со значением 'болото, лужа, непроходимое топкое место' соотносятся с прилагательным *dukans* 'серококоричневый'.

Соотношение семемы 'красный (желтый) цвет (глины)' (лит. *muilvas*) и названия болота можно видеть в лит. *muilėde*, *muilvė*, *muilvūnas*.

Лит. *pálios*, лтш. *paļas*, *paļi* 'обширные болотистые пространства', 'болотистый берег моря' и т.д. и лит. *paĩvas* 'бледножелтый'.

Утвердившаяся теперь этимология лит. *pėlkė*, лтш. *peĩse*, *pelcis* и лит. *pėlvė* основывается на сопоставлении этих лексем с прилагательным *pėlkas* 'серый', *pėlšas* 'палевый, бледножелтый'.

Осознаваемая как семантическая закономерность связь представлений "болото" и "цвет" может использоваться как аргумент – наряду с формальными – при этимологизировании слов, ранее определенной этимологии не имевших. Так, поставленное в соответствие с моделью номинации болота по признаку цвета/впечатления от поверхности болота, лит. *raĩstas* получает надежное этимологическое сопоставление с лит. *raĩbas* 'пестрый, рябой', *raĩmas*, *raĩnas* 'пестрый, полосатый' (Э.Френкель).

Каждому подтипу описываемой модели в работе приводятся славянские параллели. Способ номинации болота по впечатлению от

цвета и свойств его поверхности отмечен К.Баком как один из существенных в индоевропейских языках.

(2) Наименование болота по произрастающей на нем растительности (независимо от этимологии производящего дендрологического термина) – чрезвычайно продуктивная модель как в славянских, так и в балтийских языках. Внутренняя форма подтверждающих ее лексем в подавляющем большинстве случаев незатемнена, а их значение представляет собой пересечение двух семантических пространств: 'лес/ общее название определенной породы деревьев' и 'болото': лит. *alkana*, лтш. *alkana* 'место, поросшее ольхой' и 'болото, топкое место в лесу'; лтш. *gārēi* 'влажная болотистая земля' при *gārā* 'большой сухой лес' (к последнему ср. подгальское *bor* 'болотистый луг, мшарник' при слав. *borъ 'сосна; сосновый лес'). Сюда же относятся лексемы, производящей основой которых является название болотных растений: лит. *samanūnas*, *samanūčia* и др., лтш. *sūniens*, *vīnājs* и др., лит. *švendrūnas* и др., лит. *lėgerėv* и др.

(3) Связь тельмографического термина с представлением о сырости, влажности. Генетически балтославянскими являются образования от корня **мок-*, такие как восточно-лит. *makōnė*, *maknūnė*, *makytė*, лтш. *makra* и соответствующие славянские, многообразные в словообразовательном отношении.

Сюда же лит. *šlapūnė*, *šlapūšà*, *šlāpė* – при лит. *šlāpias*, лтш. *slapjš* 'мокрый, влажный'.

В работе далее обсуждается отнесенность к этой модели таких слов как жемайтское *vādaksnis* 'болото', лтш. *vāda* 'ein einschliessender freier Platz in Walde' (Alsunga, Basi), лит. *šaiva* 'топкое место; болото в лесу'.

Связь представлений 'болото' и 'влажность', 'жидкость' отмечена К.Баком для германских языков, греческого и латинского.

(4) Наименование болота по признаку топкости и действию по глаголу 'погрузиться, провалиться': лит. *klampà*, *klampūnė* – *klampūs* 'топкий, вязкий', *klīpti* 'провалиться'; лтш. *staiga*, *staignājs*, *staignejums* и др. – *staigs* 'вязкий', *stigt* 'вязнуть'; лит. *murdūnas* – *mūrdyti* 'окутать, погружать'.

Многочисленны славянские болотные термины, связанные с глаголами *topiti, *gręznęti. Эта модель отмечена и в других группах индоевропейских языков.

(5) Наименование болота в связи с представлением о зыбкости, неустойчивости. Широкий и многообразный круг словообразовательных и фонетических вариантов, в значении которых признак зыбкости, неустойчивости остается актуальным и многообразно выраженным, восходит в конечном счете к глаголу liu-lėti 'колышаться': лит. liūgas, лтш. luga, ļuga, лит. liūgnas, liūlynas, liuliūklė, liūnija, lugas, лтш. ļūnis, лтш. ļuvenis. Многочисленные славянские тельмографические образования от глаголов *tręsti, *dręsti, вост.-слав. зыбать 'качать' также сохраняют ономотопеические свойства производящей основы или, по крайней мере, заложенную в ней экспрессивность.

Итак, способы мотивации внутренней формы тельмографического термина сходны в балтийских и славянских языках (они же отмечены в других группах индоевропейских языков). Особую типологическую значимость имеет то обстоятельство, что распределяемые в соответствии с указанными моделями балтийские и славянские лексемы не являются генетически родственными.

Тельмографическую терминологию изнутри объединяют семантические явления двоякого рода. Экстралингвистическими соображениями (заболачиванием низинных мест) можно объяснить переход 'б о л о т о' ↔ 'н и з к о л е ж а щ е е м е с т о' (наблюдается в 30 лексемах). Нейтрализация по признаку величины/интенсивности детерминирует трехэтапный переход 'б о л о т о' ↔ 'л у ж а' ↔ 'г р я з ь'.

Но экстралингвистические факторы (неразличение заболоченного леса и болота, поросшего лесом/кустарником) лишь отчасти могут объяснить такой переход как 'б о л о т о' ↔ 'л е с' (14 лексем). Он спонтанно возникает в словах с незатемненной внутренней формой типа лит. lyūnia (от lyūgnas 'чистый, гладкий, ровный'), среди многочисленных значений которого здесь существенны 'болото' и 'болотистое пространство, поросшее небольшими деревьями'. Ср. псковское гарь 'лес' и 'болото'.

При интерпретации этого перехода не следует исключать того факта, что взаимодействие семем 'лес' и 'болото' поддерживается мировоззренческим представлением, объединяющим соответствующие денотаты как места обитания демонических существ с отрицательными атрибутами (Ср. славянскую заговорную формулу: *Идзи жа ты хвороба ў шыроко поле, ў сухие л е с а , да ў мокрые б о л о т а...*).

В еще большей степени эти соображения могут быть отнесены к переходу 'б о л о т о' ↔ 'п р о п а с т ь' (II лексем), оба элемента которого соотносятся как места обитания демонических существ низшего ранга с негативными функциями. Из славянских типологических параллелей укажем случай, когда лексема, означающая 'адскую бездну', может употребляться и в значении 'болото' (такое черниговское пекло 'трясина').

Пересечение семантических пространств 'б о л о т о' и 'о з е р о , п р у д', наблюдаемое в значении II балтийских лексем, следует рассматривать как фрагмент более общей семантической закономерности, состоящей в синкретическом наименовании стоячих вод, включая сюда же и 'м о р е'. Балтийские языки сохранили языковое свидетельство исходного синкретизма понятий "море" и "болото": (западно-)балтийское название моря - лит. *jūra, jūrės, jūros*, лтш. *jūra* - этимологически родственно лит. *jáura* 'болотистая, трудно обрабатываемая земля', 'трясина, болото'.

Об универсальности этой семантической закономерности можно заключить по материалам труда В.М.Иллича-Свитыча "Опыт сравнения ностратических языков", где она отмечена, в частности, в уральской группе.

Кроме того, в значении тельмографического термина обнаруживается устойчивая регулярная связь "географического" и "не-географического" регистров: (а) 'болото' — 'еда: каша похлебка, водка'; (б) 'болото' и метеорологическая терминология (*šlapw à* 'влажное сырое место' и 'влажная дождливая погода' и т.д.); (в) наименование травы в соответствии с названием того места, где она растет; (г). Слабая редко проявляющаяся связь семем 'болото' и 'часть тела' (см. лит.

pīlvē 'непроходимое илистое место' и 'живот', лит. dušblas 'осевший ил, мокрая, заболтанная грязь' и 'первый желудок у жвачных животных'; ср. черниговское бабині живота, бабу животи для обозначения разных видов болота), видимо, скрывает за собой сложное отношение концептов, такое, при котором и "болото" и "живот" оказываются замещающими друг друга негативными элементами в противопоставлении верхних и нижних, внутренних вод, живой и мертвой воды и т.п.

И, наконец, (д)балтийские языки содержат обильный материал, указывающий на связь названия болота как места обитания демонических существ низшего ранга с названиями самих этих существ. В работе указываются только случаи полного лексемного совпадения соответствующих названий: ...ar b a l a tavę grauže; kad tavē l í e k n a; a p e l k é tavo; griebk jā p l u n ē; kad tavē n u ō l a suēstų.

Типологическую схожесть не только функций, но и табуистических названий духов мест (ср. слав. лесовик и лат. silvanus) можно отметить у разных народов. Анализ надъязыковых текстов помогает понять неслучайный характер пересечения тельмографического термина и названия демонического существа. В многочисленных преданиях (редуцированный вариант которых, пересмысленный в связи с позднейшими христианскими представлениями, приводится ниже) черт предстает не только как обитатель, но и как креатор болота (и шире - хаоса) и противопоставляется Богу, создающему земную твердь: Ponas Dievas Liuciu liepē iķ vandenų prisikabinuķ iķneķ pilnas sauķas ķemīc, o ķis ir dantis prisikabiņķ. Ponas Dievas ķur pabarstē, atsīrado sausuma, ir ķmē augt ir ķaliuot visokios ķelmenys. O Liucius ķur nusķjovē, rados bodugnēs, pelķēs (= Господь бог приказал Люциферу принести из воды полную горсть земли, а он и зубами прихватил. Где Господь бог посыпал, там возникла суша и стали расти и зеленеть различные побеги. Куда же Люцифер плынул, там оказались пропасти и болота).

Семантическое поле «возвышенность» в балтийских языках имеет следующую конфигурацию (см. Таблицу II). Значение 310 лексем описано 27 семантическими признаками.

Весь обширный корпус балтийских орографических терминов распределяется в соответствии со следующими м о д е л я м и м о т и в а ц и и внутренней формы слова:

(1) по признаку 'высокий; возвышаться, выступать': лтш. *aūgstiene*, лит. *aukštumà, aukšté* - лит. *áukštas*, лтш. *aūgstis* 'высокий' и далее лит. *áugti*, лтш. *aūgt* 'расти' и формы, связанные с другим означающим этого представления: *iškyla, iškilà, iškilmé, pakylà* и др. - ср. *kilti* 'подниматься, повышаться', а также итеративную форму этого глагола - *kilóti*, лтш. *silāt* 'поднимать', с которой соотносится лтш. *silas* 'большая глыба земли'. Аналогичные представления лежат в основе балтийского родового названия возвышенности: лит. *kálnas*, лтш. *kaĩns* (и гнездо их многочисленных производных) и лит. *kalvà, kalvà* (также с многочисленными дериватами) - к лит. *kélti*, лтш. *ceĩt* 'поднимать', лит. *kilti* 'повышаться'. Взаимосвязь понятий "высокий", "возвышаться" и "гора, возвышенность", отмеченная для славянских, других индоевропейских и во всех группах ностратических языков, может считаться семантической универсалией. Ономастическая разновидность описываемой модели представлена лит. *šiúkuras, šiūkuras*, лтш. *čukur(i)s* 'вершина горы и др. [ср. *šiukėti* 'взбрызгивать(ся); вставать дыбом'] и лит. *šūtis* 'куча, груда', лтш. *šūte, šūts* 'возвышенность' (ср. *šiúkėti* 'ерошить, вскопывать')

Семантически близок к описанной модели способ номинации орографического термина посредством связи с понятием "верх": лит. *viršūnė*, лтш. *viršūne*.

(2) по признаку 'клониться, сгибаться': здесь следует прежде всего указать лтш. *baūgurs* (рус. *бугор*), имеющее соответствующую интерпретацию не только на индоевропейском, но и на ностратическом уровне; лит. *šlaitas* 'косогор, склон; долина' (ср. *šlainus* 'пологий' и *šliėti* 'наклоняться');

Таблица II.

I			II		III			IV			V			
1	2	3	4	5	1	2	1	2	3	4	5	1	2	3
		а	б	в	г							а	б	
			а	б								а	б	
														а
														б

Семантические дифференциальные признаки (семемы и семы).

I - "размер": I,1 - 'гора', I,2 - 'холм, бугор', I,3 - 'куча, гряда'; I,3a - 'каменной',

I,3б - 'земли', I,3в - 'льда', I,3г - 'песка'; I,4 - 'ком'; I,4a - 'замерзший',

I,4б - 'сухой'; I,5 - 'кочка'.

II - "наличие растительности": II,1 - 'поросшая лесом', II,2 - 'голая возвышенность'.

III - "происхождение" ('искусственная, насыпная возвышенность').

IV - "форма" ('плоская').

V - "местоположение": V,1 - 'луг', V,2 - 'болото', V,3 - 'вода', V,4 - 'лес', V,5 - 'дорога'.

VI - "части возвышенности": VI,1 - 'вершина'; VI,1a - 'острая', VI,1б - 'голая';

VI,2 - 'склон'; VI,2a - 'крутой', VI,2б - 'скользящий';

VI,3 - 'подножие'.

лит. *gaũgaras* (с многочисленными производными, обозначающими различные разновидности возвышений), *gugà* (ср. *gũgti* 'клониться, склоняться' и далее лтш. *gudzēt* 'сидеть ссутулившись'), а также формы с глухим согласным в начале и в середине слова: *kaũkaras* (лтш. *kukurs*), *kaũkaras* и др.

Дальнейшим шагом семантической трансформации этой модели является соотнесенность орографического термина с идеей 'горбиться, сутулиться' и далее 'изогнутый, кривой, косо́й': лит. *gũgas* 'холм, бугор; отдельная гора в горах', *gugà* 'голая возвышенность', *gurvõlis* 'ком на пашне' (ср. *gũrinėti* 'ходить ссутулившись'); лит. *kuĩburas* (лтш. *kumburs*), *kumbũs* (ср. лтш. *kumpt*, *kumbt* 'горбиться, сутулиться'), сюда же форма со звонким начальным согласным *guĩburas*.

Подобная же связь представлений отмечена как для большого числа славянских орографических терминов, так и в других группах индоевропейских языков.

(3) по признаку, указывающему на различные виды разрушительной деятельности (рубить, резать, колоть, валить, толочь и тп.): лтш. *ruĩba*, *ruĩba*, лит. *rumbà* (ср. слав. *rbiti, лит. *rumbuoti* 'подрубить');

лит. *skaĩdis*, *skaĩdũs* - *skardũti* 'резать';

лит. *kũlis* 'камень, валун' - *skėlti* 'колоть, раскалывать';

лит. *griovà*, *griovà*, лтш. *grava*, *grava*, *gruva* - лит. *griauti*,

лтш. *graut* 'сваливать, бросать, разрушать';

лит. *kruĩslas*, лтш. *kruĩslis*, лит. *kriukbũs*, *kriaũbis* сопоставляются с глаголом *krũsti* 'толочь'.

Эти же признаки лежат в основе внутренней формы многочисленных славянских названий возвышенного рельефа и отмечены также в других группах индоевропейских языков.

(4) по семантически производным от предыдущих признакам 'грубый, неровный' и 'острый'. Здесь следует указать прежде всего индоевропейское представление о камне как об "остром": ср. лит. *akmuõ*, *akmens* со слав. *ostrъ и *kamъ; многие индоевропейские соответствия указанных форм являются названиями различных видов возвышенного рельефа. Как показывают материалы

словаря В.М.Иллича-Свитыча, в других группах ностратических языков в этом корне подобной конкретизации значения не произошло. Из новых образований эта модель подкрепляется лит. *smailė*, лтш. *smāile* 'вершина горы, острый край' и далее *smailumà*, *smailumas*.

Вторую подгруппу этой модели образуют формы, возводимые к глаголу *grūbti* 'грубеть; коченеть, цепенеть' и прилаг. *grūbūs* 'неровный, грубый': лит. *grūblas*, *grūzlas*, *grūšlas*, *grūoblė*, *grūbzlas*, лтш. *grubulis* и т.д. — все со значением небольшой возвышенности, кочки, бугорка замерзшей или засохшей земли. В обычно сопоставляемом с этими балтийскими лексемами польск. *gręba*, *grępa* внутренняя форма предстает как немотивированная, а значение 'высокий и крутой берег, крутой холм' представляет иную ступень семантического развития.

Итак, балтийские и славянские языки обнаруживают сходность представлений, лежащих в основе внутренней формы орографических терминов. Способы номинации термина возвышенного рельефа по связи с названием различного вида разрушительной деятельности можно считать индоевропейской семантической универсалией. Связь понятий "возвышенность" и "подниматься/понижаться" находит языковое подтверждение на ностратическом уровне.

Орографическую терминологию пронизывают следующие семантические процессы:

(1) Переход 'возвышенность' — 'луг, поле' (в 10 лексемах), детерминированный актуализацией признака 'хозяйственный аспект', отмечен и в балтийских, и в славянских языках, где терминология земельных угодий в значительной степени состоит из слов, обозначающих также различные виды возвышенного рельефа.

Смена денотата в переходе (2) 'возвышенный рельеф' — 'остров' (6 лексем) является результатом введения дополнительного признака 'в инородном окружении' (в частности, 'среди воды').

Переход (3) 'возвышенное место' — 'отмель' является следствием нейтрализации оппозиции 'земной рельеф' — 'водный рельеф'.

Переход (4) 'в о з в ы ш е н н о с т ь' — 'б е р е г' (15 лексем) можно констатировать как индоевропейскую семантическую закономерность. Расширенным еще на один этап — 'край' — он наблюдается на уровне ностратических соответствий. В значительной степени этот переход детерминирован сходным способом мотивации внутренней формы терминов возвышенного рельефа и берега и исходным синкретизмом соответствующих семем.

Издавна привлекал внимание исследователей индоевропейской лексики и этимологов (5) переход 'г о р а' — 'д е с' (11 балтийских лексем) (отмечен также В.М.Илличем-Свитычем для уральских и финно-угорских и Э.М.Мурзаевым для тюркских языков). Модификацией связи этих значений является переход 'камень' — 'дерево' (ср. связь значений 'камень' и 'дерево' у группы слов, образованных от * *rekh^h*), который является подтверждением связи соответствующих денотатов (гора/камень — дерево/дуб), в текстах более высокого уровня предстающих как взаимозаменяемые атрибуты Перуна.

Как и описанное выше явление, (6) переход 'в о з в ы ш е н н ы й р е л ь е ф' — 'н и з и н н ы й р е л ь е ф, у г л у б л е н и е, п р о п а с ь' представляет собой случай, когда при анализе географической терминологии выявляется взаимодействие концептов, не являющееся специфическим для данного семантического поля, а соответствующее системе смыслов, характерной для текстов более высокого уровня. Этот переход является модификацией одной из существеннейших семиотических оппозиций 'верх' — 'низ'. Лингвистически этот переход интерпретируется как нейтрализация противопоставления 'верх' — 'низ' при сохранении релевантности признака 'вертикаль'.

Лингвистическую параллель предыдущему переходу, но без "идеологической" значимости последнего, представляет нейтрализация противопоставления (7) 'в е р т и к а л ь н о е' — 'г о р и з о н т а л ь н о е н а п р а в л е н и е' при сохранении признака 'отдаленность, удаленность' см. лит. *aukštus* в контексте: *renkis, ponas, eisim į aukštą (= pla-*
ukšim toli į jūrą) в значении 'морская даль'; лит. *aukštumà*

в значении, соответствующем рус. 'открытое море'.

Представленная несколькими балтийскими лексемами корреляция терминов (8) в о з в ы ш е н н о г о р е л ь е ф а и с т р о и т е л ь н о й терминологии, отмечаемая также всеми исследователями славянской лексики, существенна для реконструкции и/или характеристики культуры по языковым данным. См., например, вост.-лит. *krúsnis, krósnis*, лтш. *krāsne* 'куча камней, каменная россыпь в поле и т.п.' и '(каменная) печь (в бане)'. Отдаленно родственное славянское *krōvъ отражает связь с иным строительным термином — 'крыша'. См. также др.-прус. *vūšpnis* 'духовка' при *šmpra* 'жолн' (К.Буга) и др.

(9) Терминология в о з в ы ш е н н о г о р е л ь е ф а — терминология ч а с т и т е л а. Регулярная связь этих денотатов отмечена во всех языках мира. Некоторые архаические тексты содержат непосредственное указание на соотворение мира из частей человеческого тела (см. в "Младшей Эдде": "Люди думали, что скалы и камни — это зубы и кости живых существ..."). Однако, трудно установить, "была ли структура Космоса образцом для описания состава тела или наоборот" (В.Н.Топоров).

Лингвистически наиболее корректно, видимо, постулировать исходный синкретизм обсуждаемых понятий. Такое предположение подтверждается результатами специального эксперимента по изучению формирования понятий у детей: "Первой ступенью в образовании понятия, наиболее часто проявляющейся в поведении ребенка раннего возраста, является образование неоформленного и неупорядоченного множества, кучи каких-либо предметов тогда, когда он стоит перед задачей, которую мы, взрослые, разрешаем обычно с помощью образования нового понятия. Эта выделяемая ребенком куча предметов, объединяемая без достаточного внутреннего основания, без достаточного внутреннего родства и отношения между образующими ее частями, предполагает диффузное, ненаправленное распространение значения слова, или заменяющего его знака, на ряд внешне связанных между собой элементов" (Л.С.Выготский).

Итак, семантические явления в сфере орографической терминологии (лишь в незначительной части детерминированные экстралингвистическими обстоятельствами) являются языковым подтвержде-

нием отношений, известных по текстам более высокого уровня.

х х х

Семантическое поле «низинный рельеф» имеет следующую конфигурацию (см. Таблицу III). Значение 240 балтийских лексем описывается с помощью 24 семантических признаков.

Терминология низинного рельефа распределяется в соответствии со следующими способами мотивации внутренней формы:

(1) по признаку 'низколежащий' (во всех группах ностратических языков).

(2) по признаку 'впалый; вваливаться, погружаться': дауба и производные, duobė также с многочисленными дериватами, dubuõ, dubumà, dùburas, dumburỹs, dumbravà, лтш. duĩbėris и др.; 'клониться, углубляться': лит. klãnas, klõnis, лтш. klãns, klãns, лит. slėnė, slėnỹs, лтш. slėne и т.д., лит. lėnkė, lėngė (ср. общеславянские по распространению образования от *kloniti).

(3) по признаку 'глубокий': лит. gylė, gỹle, лтш. dzĩle, лит. gelmė, лтш. dzeĩme и др. (отмечается К. Баком и для других индоевропейских языков).

(4) В сходном способе номинации орографического термина и термина низинного рельефа через представление о различных видах разрушительной деятельности можно видеть объективное (языковое) обоснование развития противоположных значений у некоторых лексем (например, лит. griovà, лтш. ẽrũva 'овраг, ущелье' и 'куча, груда' и другие). (см. в главе «Возвышенный рельеф» переход 'возвышенный рельеф' - 'низинный рельеф').

(5) И, наконец, отметим, что и в балтийских, и в славянских языках ямы осмысливаются как 'выкопанные': лит. pėrkasas, лтш. bedre, слав. *jama, образования от *kopati и некоторые другие.

Семантические процессы в терминологии низинного рельефа.

Полисемия терминов низинного рельефа скрывает явления двоякого рода: отражение экстралингвистической ситуации, обуславливающей такие переходы как (1) 'низинный рельеф' - 'болото', (2) 'низина' - 'луг', отчасти (3) 'низинный рельеф' - 'лес'

Таблица III.

I				II		III		IV			У	
A		B						A		B		
1	2	3	4	1		1		1		2		
		а	б	в				1		а	б	в

Семантические дифференциальные признаки (семь и семь).

I - "размер": IA - 'большой'; IA,1 - 'между горами', IA,2 - 'у реки' = 'долина', IA,3 - 'луг/поле'.
 IB - 'небольшой' = 'яма': IB,1a - 'в дне реки', IB,б - 'в болоте', IB,в - 'на дороге', IB,2 - 'водомина', IB,3 - 'наполненная водой'.

II - "глубина": IIA - 'небольшая'; IIB - 'большая' = 'пропасть, бездна', IIE - 'в горах'.

IIIA - "естественный".

IIIB - "искусственный": IIIE1 - 'канавы', IIIE2 - 'могила'.

IУ - "наличие растительности": IУA1 - 'поросший травой' = 'луг', IУA1a - 'у реки' = 'заливной', IУA1б - 'около дома', IУA1в - 'в лесу'; IУA2 - 'поросший деревьями'; IУB - 'место, где ничего не растет'.

У - "благный".

и (4) 'яма' - 'ключ, родник', и такое пересечение семантических пространств, в котором можно видеть проявление связей более глубинных смыслов, существенных для реконструкции историко-мировоззренческих и историко-культурных представлений. Среди явлений второго рода укажем (5) переход 'у г л у б л е н и е' - 'я м а (преимущественно в воде), о м у т' - 'в о д о в о р о т' (5 балтийских лексем), связь денотатов в котором в значительной степени детерминирована представлением, объединяющим низинные места и водоворот как места обитания демонических существ с негативными функциями, во втором случае (водоворот) также вызывающих движение воды (часто справа налево). Ср. также следующие показательные контексты: Kad tau veršmē! Aik tū veršmēn, kaīr negražiai kalbi!

(6) Появление у географического термина (главным образом водного) значения 'болезнь': kļauróji 'пропасть, бездна' и 'фистула, свищ', verpeta 'водоворот и под.' и род нервной болезни, kriokļūv 'водопад' и 'дифтерит', šaltinis 'родник' и 'лихорадка' и некоторые другие. И в данном случае в фольклорных, ритуальных и т.п. текстах можно найти указание на связь соответствующих денотатов, в частности, и для славянской, и для балтийской заговорной традиции характерно отсылание болезни в болото, море, низинные и т.п. места; народная терапия часто обращается к "смыванию" болезни (особенно лихорадки) проточной водой и т.п.

(7) Существенно при реконструкции явлений культуры взаимодействие географической терминологии (в балтийских языках преимущественно терминологии низинного рельефа; о параллельном явлении в орографической терминологии см. в главе «Возвышенный рельеф») со с т р о и т е л ь н о й (8 лексем). Особенно интересно балто-славянское синкретическое представление об окне как о 'глазе', 'незарастающей или незамерзающей поверхности болота' и соответствующей строительной реалии. Ср. лит. šitas arklys yra vienu l á n g u и о к н ы моё видють плоха.

(8) Инвариантный признак 'впалый, углубленный' может реализовываться одновременно в географическом термине и в названии посуды (5 балтийских лексем), что регулярно отмечается также исследователями славянской терминологии.

(9) И, наконец, отметим характерную и для балтийского и для славянского языкового сознания связь представлений о глубине и отдаленности (Ср. рус. глубина леса и глубина моря и лит. *gilumà* 'глубокое место' и 'отдаленнейшее место' и др.). Не потому ли и слав. м о р е ('глубокое' = 'отдаленное' = 'чужое') в фольклорных текстах противопоставляется д о м у как близкому, своему? Ср. также аналогичность славянских и балтийских пословичных формул (возможно, позднего характера, что не уменьшает, впрочем, типологической значимости самого факта): *uz j ū g ç jautis uš trebioka...* - за м о р е м телушка полушка...

Итак, семантические процессы, пронизывающие балтийскую и славянскую терминологию низинного рельефа, характеризует полный параллелизм. Отмеченные переходы приобретают типологическую значимость, т.к. манифестирующие их балтийские и славянские лексемы в подавляющем большинстве не являются генетически родственными.

х х х

Проведенный соответственно трем поставленным задачам анализ балтийской географической терминологии показал, что (1) значение сравнительно большой по объему лексической группы возможно системно организовать и описать с помощью ограниченного набора семантических дифференциальных признаков; (2) обширный словарь расчленяется на небольшое количество моделей по способу мотивации внутренней формы географического термина, при этом связь представлений 'гора' и 'повышаться/понижаться', 'гора' и различные виды разрушительной деятельности, 'камень' и 'острый', 'источник' и 'глаз', 'яма, омут' и 'глубокий', 'болото' и 'влажный', 'болото' и 'цвет' и некоторые другие можно констатировать как универсальные индоевропейские семантические закономерности; (3). В значении географического термина наблюдается регулярное взаимодействие семантических пространств, которое соответствует отношению смыслов, известных по надязыковым текстам, при этом переходы 'гора' - 'лес', 'географический термин' - 'термин части тела', 'географический термин' - 'строительный термин', 'болото' - 'стоячие воды', табуистическое наименование демонического существа с негативными функциями по месту его обитания, 'низинное место' - 'болезнь' и некоторые другие также являются индоевропейскими семантическими универса-

лиями. Отраженная в синхронном состоянии языка полисемия географического термина часто таит в себе ключ к разгадке историко-культурных и историко-мировоззренческих проблем.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

1. Балтийские географические апеллятивы. "Топонимика.4". Изд. МФЮ, М., 1969.
2. О лексическом и семантическом взаимодействии литовского и славянского языков (на материале географической апеллятивной терминологии) . - "Советское славяноведение", 1972, №1, стр.90-104.
3. Словарь балтийских географических апеллятивов. "Балто-славянский сборник". М., 1972, стр.315-376. (рец. А.Ванагаса в "Fergalė", 1973, №5).
4. *Ašmenà* - имя нарицательное. "Gervešiai", Vilnius, 1973. (на литовском языке).

Подписано к печати 28/УИИ - 1973 г.

Объем 1,5 п. л. Тир. 150 экз. Зак. 480

Офсетное производство типографии № 3

издательства "Наука"

Москва, Центр, Армянский пер., 2

